

РОМАН ГАЗЕТА

2022 №7

И победить врага в любом бою!..

95
1927-2022

ДЛВТЪ ТЫ БЫ СДЕШЬ ПОМН. СТ.

СИРОННЕ В СЛОВО И СЛО
КОВЪ ШЪ БЯ И
БЪ БЪ СЛОВО И СЕ БЪ И

СИРОН И ШЪ БЪ И В С А ТЪ М
БЪ И ШЕ И БЕЗ НЕ ГОНЕ
БЪ И И Н У К Т О Ж Е С Ж Е Б И
ВЪ Т О М Е Ж И В О ТЪ БЪ И
Ж И В О ТЪ БЪ С ВЪ ТЪ БЪ А К О
МЪ И С ВЪ ТЪ БЪ К ТЪ МЪ
С ВЪ ТЪ БЪ С А И ТЪ М А С О
И С С Е БЪ И И И ШЪ И О И

НА С ТЪ И Н Н Е П Р И З Р Е Ш И М А
Д Л С Т В О У Е Т К О С В Е Т И Я И БЪ
С В Е Т Ы И С Т И Н Ы И И Ж
П Р О С В Е Щ А Е Т Ы В С А К О Г О У Л И К А
Г Р Е Д О У Ш А Г О ВЪ М И РЪ ВЪ М И
РЪ Е И И М И Р А ТЪ ВЪ М К Б И И
М И РЪ Г О Н Е П О З Н А ВЪ С В О
С П Р И Д Е И С К О Н Е Г О Н Е П Р И ШЕ
С А И К О Ж Е И ШЪ П Р И ШЕ Т Ы И Д А
С Т Ы И М Ш Б К Л А Т Е Д О М Б О
Ж И Е М Ы Б И Т И В Т Р О У И Ц И И
И К И М А Л Е С К А И Ж Е М С И И

Поздравляем победителей и лауреатов!

Юрий ХАРЛАШКИН

Родился в Иркутске. Окончил Иркутский государственный университет по специальности «Филология». Преподаватель русского языка и литературы». Работает в Иркутском Доме литераторов. Публиковался в журналах «Сибирь», «Бельские просторы», «Азь-арт», альманахах «Первоцвет», «Зелёная лампа», «Образ», сборниках «Новые писатели» (2016, 2019), «Пускай услышат наши голоса», «Онон», газете «День литературы» и других изданиях. Автор книги «Кирилл и Мефодий» (Иркутск, 2020). Руководитель Иркутского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России.

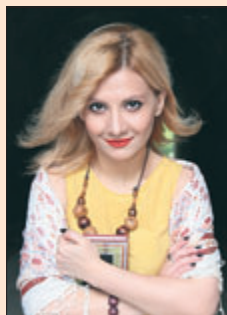
Дмитрий ПЕТРОВ (Александр Романов)

Прозаик, поэт. Победитель в категории «Карта России» Международного конкурса «Поэтический атлас», лауреат литературно-общественной премии «За верность русской литературе» имени И. А. Бунина (Москва, 2020), лауреат Германского Международного литературного конкурса «Лучшая книга года — 2021».

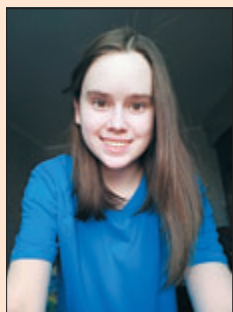
Ирина РОДИОНОВА (Сотрихина)

Родилась в Новотроицке. В 2018 году на Всероссийском семинаре-совещании молодых писателей признана лучшим молодым фантастом, в 2019 году — лучшим прозаиком. Автор книги «Поросль» (2021). Печаталась в литературных журналах «Бельские просторы», «Гостиный дворъ», «Александръ», «Веретено», «Рассказы», «Аврора», «Лед и пламень» и других изданиях.

Сатеник ОВАКИМЯН (псевдоним — Сати Овакимян)

Прозаик, переводчик, дизайнер, фотограф. Родилась в Ереване. Автор книг «Полу-Остров» (2017) и «Созвездие эмигранта» (2020). Печаталась в журналах «Дружба Народов» (2019), «День и Ночь» (2020), «Литература» (2021), «Тула» (2020), в газете «Русскоязычная Америка» (2021), дипломант «Золотого Витязя» (2020).

Елизавета ЕВСТИГНЕЕВА

Родилась в Москве. В настоящее время — студентка Литературного института им. А. М. Горького. Победитель I Межрегионального литературного конкурса им. Е. Гусева «Яблочный Спас» (2021), лауреат Премии Союза литераторов «Перо и слово» «Краткость — сестра пера» (2021), лауреат ряда литературных конкурсов.

Гаврил АНДРОСОВ

Родился в 1985 году. Якутский поэт, публицист, переводчик, член Союза писателей России. Окончил Якутский государственный университет имени М. К. Аммосова по специальности литературное редактирование и критика. В настоящее время является главным редактором литературного журнала «Чолбон». Автор многих поэтических сборников.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №7 /1900/ Основана в 1927 г.

И победить врага в любом бою!..*

Сергей МИРОНОВ,

Председатель Жюри ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ, Председатель Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ», Руководитель фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Вместе мы победим!

Дорогие друзья!

Поздравляю с высокой оценкой членами Жюри Ваших произведений. За семь лет существования литературная премия «В поисках правды и справедливости» обрела статус одной из самых уважаемых и известных в стране. Многие её победители и лауреаты успешно работают в литературе, стали руководителями издательств, журналов, заняли видное место в писательских союзах. Премия — вклад нашей партии в культурную политику государства. Мы выступаем за принятие принципиально нового Закона «О культуре в Российской Федерации», где культура будет признана основой государственной идеологии. Только в этом случае мы сможем обеспечить национальную безопасность страны, определить достойное будущее России на поколения вперед. Мы выступаем за системную реформу исполнительной власти в области культуры, науки, просвещения, воспитания, считаем культуру важнейшим национальным приоритетом. Нельзя «хоронить» тома русской классики под ворохом ширпотреба и дешевки, которой продолжает насыщаться наш книжный рынок. Нельзя допустить изъятия из школьных программ шедевров русской литературы. Классика — наше наследие, наше богатство, мы должны сохранить его и передать потомкам.

Нам выпало жить в трудные и героические времена. Россия открыто заявила миру о своём неотъемлемом праве самостоятельно определять собственную судьбу и собственное будущее. Один из победителей в номинации «Публицистика», гражданин Луганской Народной Республики Юрий Ковальчук сражался в Донбассе, провёл годы в украинской тюрьме. Но не был сломлен. Его статьи о войне — крик боли, мужества и веры в победу. К сожалению, он не дождал дня освобождения, умер в конце прошлого года. Годы заключения подорвали его здоровье, но не дух.

Я верю, что победный дух живёт в молодой российской литературе. Вы — продолжатели её лучших традиций. Вам — вести за собой читателей, отстаивать идеалы добра, правды и справедливости. Вместе мы победим!

¹ Гаврил Андросов.

ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания Жюри ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ

Москва, Государственная Дума

2 февраля 2022 года

Присутствовали:

Мионов Сергей Михайлович — Председатель Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Председатель Социалистической политической партии «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ**», Руководитель фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Татарин Руслан Владимирович — Председатель Оргкомитета ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Руководитель аппарата фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Члены Жюри: Владислав Артемов — главный редактор журнала «Москва», Сергей Арутюнов — преподаватель кафедры творчества Литературного института им. М. Горького, Владимир Еременко — главный редактор газеты «Литературная Россия», Ольга Зиновьева — сопредседатель Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня», Николай Иванов — Председатель Союза писателей России, Геннадий Иванов — Первый секретарь Союза писателей России, Юрий Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета», Сергей Куняев — заместитель главного редактора журнала «Наш современник», Александр Куприянов — главный редактор газеты «Вечерняя Москва», Владимир Конкин — Заслуженный артист РФ, Екатерина Никанорова — заведующая отделом периодических изданий Российской государственной библиотеки, Елена Русакова — ответственный редактор «Роман-газеты», Виктор Черемухин — член Правления Союза журналистов Москвы и другие.

Повестка:

1. О подведении итогов 2021 года ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ** (далее — Премия).

2. Утверждение списков победителей и лауреатов Премии.

По первому и второму вопросу решили:

1. Утвердить по итогам голосования следующий список победителей Премии в номинациях:

«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»

I место: Евстигнеева Елизавета Алексеевна — сборник стихотворений «Выцветшие сны», Москва. **Андросов Гаврил Гаврильевич** — сборник стихотворений «Я просто современный азиат», Республика Саха (Якутия).

II место: Елизарова Наталия Михайловна — сборники стихотворений «Дыханию в оправдание» и «Ледяная тетрадь», Москва. **Заборцева Варвара Ильинична** — сборник стихотворений «Мир этот звонкий, песнями пьяный», Санкт-Петербург.

III место: Малофеева Екатерина Сергеевна — сборник стихотворений, Забайкальский край.

«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»

I место: Харлашкин Юрий Станиславович — главы из романа «Кирилл и Мефодий», Иркутская область.

II место: Романов Александр Александрович (Дмитрий Петров) — «Записки семинариста», главы из повести «Мутный», Тульская область. **Сотрихина Ирина Сергеевна (Родионова)** — повесть «Поросль», Московская область.

III место: Овакимян Сатеник Арменовна — сборник «Созвездие эмигранта», Москва.

«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»

I место: Ковальчук Юрий Сергеевич (посмертно) — цикл эссе, Луганская Народная Республика.

II место: Петрова Альбина Владиславовна — цикл статей о современной культуре, Краснодарский край. **Цыпленкова Виктория Андреевна** — цикл статей «Портрет на фоне войны», Москва.

III место: Литвинова Лилия Сергеевна (Жидкова) — сборник эссе «Ставропольский свет», Ставропольский край.

Также было принято решение отметить ряд участников конкурса **специальными дипломами Премии**.

Подводя итоги заседания Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ — ЗА ПРАВДУ**, Руководитель аппарата фракции «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ**» в ГД ФС РФ, Председатель Оргкомитета Премии **Руслан Татарин** отметил: «В 2021 году на конкурс пришла сильная проза с хорошим языком, с развернутым сюжетом, с интересной композицией. Второе наблюдение: что касается поэзии, я в этот раз не увидел в работах той эмоциональности, преломления мира через собственное «я». Обычно поэзия связана с пониманием, что такое Родина для человека, как поэт гордится ею. Каждый новый литературный сезон отличается от других. Так, самый первый сезон в Год Литературы — сразу после воссоединения Крыма с Россией — был полон радостных надежд и предчувствий нового, судьбоносного поворота в истории России. Тогда пальму первенства держали поэты. Прошлый сезон — в период борьбы с пандемией, в период сопротивления Западу — стал «пробуждением» новой, сильной прозы. И за каждой строчкой наших молодых авторов чувствовалась решимость взять на себя ответственность за будущее России. Постмодернистское подростковое отчаяние и кураж сменились стремлением сражаться за будущее и не предавать: мать и отца, братьев и сестёр, своё творчество, самого себя, Россию и Бога. Сражаться так, как может только писатель, когда «крафтовая» бумага превращается в рукопись, которая «не горит».

ПРОЗА

Юрий Харлашкин

Кирилл и Мефодий

Главы из романа

иже пришеде на бръгъ ѳезероу ѳединъ и отаи. Ѳвлосоѳе не вида свѣта ибо ношь сѣло темна стоааше. но ть молитвж сѣтвориль бѣаше. иже глаголааше при водѣ и бръзѣ. с Богомъ и вѣнимѣахъ ѳемоу Богъ и анѣлы Господни. и даде Богъ Ѳвлосоѳоу ѳа боукъви словеньскы.

(...Он же пришёл на берег озера один и тайно, Философ, не видящий света, потому что ночь очень тёмная стояла. Но он тогда сотворил молитву, он разговаривал у воды и у берега с Богом, и стали ему внимать Бог и ангелы Господни. И дал Бог Философу эти буквы славянские...)

БУКВА ПЕРВАЯ АЗЪ

1. (Экспозиция, 827–840 гг.)

Имя моё — Крохобор, я горжусь быть достойным потомком Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой, Ситолизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда.

А родился в шалаше я и пищей обильной взлеял: Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.

*«Батрахомиомахия»
(«Война мышей и лягушек»)*

Маковки собора украшались первыми лучами.

Тишина и покой царили в сыром воздухе, как вдруг ударил колокол — гулко, второй — звонко, третий — опять гулко, и поднялась растревоженная стая голубей. Они в едином порыве то взлетали ввысь, то бросались вниз навстречу черепичным крышам и булыжной мостовой. На их перьях играло утреннее солнце. Они были вестниками нового дня, частью огромного механизма, приводящего в движение торговый город.

Колокольный звон, вначале нескладный и неуклюжий, постепенно переходил в бойкую мелодию, услышав которую, хотелось вторить ей свистом, но никто не осмеливался.

К собору спешили толпы народа, желая успеть на воскресную службу. Они собирались ручьями по дворикам, лились подобно рекам, затопля узкие переулочки и выплѣскиваясь на соборную площадь, создавая иллюзию океана, где волны людей накатывали одна на другую, где их голоса — шѣпотом, причитаниями, вскриками — порождали хаотичный

шум, служащий фоном и оттеняющий колокола. И этот шум, звучащий на разных языках и наречиях, как ни странно, объединял, вплетая голос в голос, тональность в тональность, мысль в мысль, настраивая их на единый лад.

Люди были полны радости и привычного трепета: и Никодим-мясник, ещё вчера с упоением кромсавший кровавую говядину, и жена трактирщика, намеревшая измениться мужу с молоденьким постояльцем, и добродетельный кузнец, иногда развлекающийся грабежом по ночам, и дочь убитого им сновника, торгующая цветами и собственной красотой. Все они спешили, и только дурачок, раскрыв рот с гнилыми зубами, застыл, прислонившись к забору, и смотрел в небо, где клубились птицы. Он поковырял в носу, громко чихнул и засмеялся:

— Дево Марие! Что творят птицы-то сии! Его-го! Жители небесные! Души пресвятые! Несите, несите весточки!

И голуби, словно послушавшись его, скрылись за собором. И тогда окрестили Философа и нарекли его Константин.

На дворе стоял 6327 год. Ромейская империя, за последние три столетия потерявшая половину своей территории, тем не менее была могущественна. Её император по праву считал себя владыкой половины мира, считая себя единственным подлинным правителем всего Средиземноморья. Только его вера и вера его народов была несказанно больше. В то время вера пропитывала всё, и даже на убийство шли перекрестясь. Такие стояли нравы, такой странной и удивительной была жизнь в империи. Высокое и низкое, ум и глупость, добродетель и порок — всё плавилось в едином тигле, причудливо перемешиваясь, создавая удивительные сплавы человеческих душ.

В тот же год в провинциальном городе под названием Салоники родился Константин Философ. Его мать — Мария — сквозь слёзы смотрела на своё уже седьмое чадо и зачарованно шептала, словно заклинание-оберег: «Седем сын!.. Седем сын...» Пятеро предыдущих не прожили и пары лет...

Вокруг суетились служанки, меняя простыни, унося кувшины, украшая комнату благовониями. Вскоре должен был прийти муж, за которым уже послали верного раба Агапия.

Отец Философа, Лев, был военным чиновником — друнгарием, отвечающим за городскую стражу и сбор налогов, а также судившим гражданские дела жителей Салоник.

— Господи милостивый! — сказал он, ворвавшись в комнату. — Ты подарил мне сына! — однако не решился подойти к жене и новорожденному: они были грязны и греховны, пусть и любимы; нужно было выждать.

Он позвал друзей и сослуживцев и несколько дней пировал с ними, наслаждаясь общением, яства-

ми и напитками, пока Философ питался молоком матери и внимал её колыбельным. Дело в том, что младенец отказался от груди кормилицы, нарочно приглашённой для родовитого отпрыска. Мать потом удивлялась: то был единственный сын, коего она кормила весь положенный срок.

По истечении греховного времени, когда мать отошла от родов, а младенец очистился от крови матери, они смогли показаться на люди. Изрядно пьяные гости приветствовали их, особо назойливые заглядывали в лицо ребёнку и отмечали ясный умный взгляд тёмно-карих глаз. Все родственники и друзья семьи спешили полюбоваться на Философа, потому что им нравилось смотреть в эти чистые ангельские глаза, и родители решили, что ребёнка пора бы окрестить, дабы уберечь от сглаза.

Мать его родом была из славян, которых множество жило в Салониках, да и вообще в имперской части Македонии, куда они переселялись, теснимые болгарами. Заключение брака носило скорее политический характер, нёс выгоду её родителям, но и она сама вскоре обрела счастье, полюбив — и поняв, что любима. Её новообращённые родители дали дочери вполне христианское имя — Мария. Она была чернобровой красавицей, любительницей нарядов и вместе с тем верующей добродетельной христианкой, правда, не способной избавиться от языческих суеверий своих предков. Забавляло её ловить лягушек в пруду и, крепко держа в руках очередную квакушку, приговаривать ей в самую морду:

— Мати Мокоши, помози в трудах моих домоты!

Она любила поговорить, но плохо знала греческий. Впрочем, знания языка ей хватало на разговоры с мужем, который редко заговаривал на славянском, потому что был чистым греком и не стремился к изучению варварских диалектов, хоть по долгу службы и приходилось их разуметь.

Именно потому все служанки в доме были славянской крови, говорившими на общем языке, понятном всем окрестным славянам. Племян же их проживало вокруг немало: смоляне, ваюниты, хорваты, драговиты, сагудиты, мелких и не перечислишь. С ними-то, прислужницами, и болтала Мария дни напролёт, узнавая новости и сплетни. Она всегда была в курсе событий, произошедших не только в их городе, но и по всей империи. Мирный договор с Болгарским ханством, помазание на царство Феофила, ярого иконоборца, или приготовления к казни Никодима-мясника, обвинённого в ночных разбоях и убийствах приезжих купцов — всё она узнавала одной из первых, иногда раньше мужа, ожидающего послов.

Каждый день она отправляла служанок на рынок за новыми сплетнями. Разгорячённые приказом и собственным любопытством, они буквально летели, подгоняемые стремлением к познанию мира, но совершенно о нём не помышлявшие.

Может быть, потому Философа буквально с младенчества окружали далеко не всегда полезные знания о брэнном мире. Он слышал, ещё не понимая, многое, что не стоит слышать младенцу. Но главное заключалось в другом: он слышал язык матери и служанок и понимал его, и язык отца и друзей отца он тоже слышал и понимал.

К пяти годам он уже знал, что есть два языка, на которых он может говорить, и он говорил: с матерью — по-своему, с отцом — по-своему.

Во всём он видел звуки, совершенные и прекрасные, складывающиеся в осмысленную речь. Он понимал всех домочадцев, и его очень забавляло, что стражник порой не мог толком объясниться со служанкой, и тому приходилось жестиковать и корчить рожи. Заметив ребёнка, парочка смеялась и краснела...

Вот только певчих птиц, собак, лошадей и кошек не понимал маленький Константин, но думал, что однажды поймёт и животных. Мать иногда рассказывала сказки про птичий язык да звериный свист, и он желал научиться им. Подслушивал утренний щебет в саду, недовольное ворчание в конуре в полдень, усталое всхрапывание под вечер в конюшне и всегдашнее мяуканье в кухне у кладовой.

До школы со сверстниками он почти не общался: дети слуг его сторонились, а единственный брат Михаил был старше на тринадцать лет. Дома брат появлялся редко, неся службу в друнге, оберегающей северные рубежи фемы. Там же он сделал блестящую военную карьеру, усмиряя бунты оседающих в Македонии славян и давая ярый отпор теснившим Балкан болгарам.

Едва научившись ходить и понимать, из младенца, впитывающего всё услышанное без разбору, Философ превратился в требовательного слушателя. Михаил в редкие домашние дни, всегда со светлой улыбкой разжигая интерес, делился историями, которые читал, заговорщически подмигивая, сообщал о фактах, которые знал, например, что у слона нос вместо руки или что дельфины — не рыбы.

В основном же Философа поручили старику Агапию. Тот ежедневно по утрам гулял с ребёнком по городу, по шумным мостовым и по тихим улочкам, устраивал привалы в тени базилик или кипарисовых насаждений, непременно доставая снедь: ячневый хлеб, мёд и молоко. Подкрепившись, они продолжали путь, в гору — к северной городской стене или, что больше любил Константин, — к морю, к торговым причалам. Там Агапий иногда покупал кожу и ткани, которые заказывала Мария, а Философ, наострив уши, ловил удивительные звуки: горловые щелчки арабского языка, шипение арамейского, звонкие раскаты грузинского и много чего ещё... И каждый язык звучал таинственно, пленяя Константина своей неповторимой мелодией. Не мень-

ше языков удивляли и люди: разнились лица и пестрели одежды, за каждым лотком — свои жесты, но... одинаковые улыбки и сияние глаз. Только они не требовали перевода. В толчее Агапий крепко держал мальчика за руку, так как знал — пойдёт за первым попавшимся толмачом наблюдать, как тот переводит, помогая торговаться. Да и небезопасное место этот базар: тут воры срезают кошельки, иногда укорачивают жизни, работоторговцы заманивают простаков в трюмы своих быстроходных дхау, а неповоротливых зевак кусают блохастые собаки. Но родители знали: Константину ничего не угрожает. Седая борода Агапия наполовину скрывала шрам на щеке от кнута; статная, несмотря на возраст, фигура и беззаветная преданность семье, выкупившей его от жестокого хозяина, делали его лучшим педагогом — спутником ребёнка. Философ же считал его единственным другом.

Вот только тяжкая прежняя жизнь наложила печать заикания на Агапия. А маленький Константин искал чистой речи, журчащей как родник за водяной мельницей возле их загородной виллы, звучащей как вечерние колыбельные на родном языке матери или как дельные и точные (даже отточенные) наставления на языке отца.

Его отец был человеком сведущим и образованным, достигшим успехов на военной службе, что позволяло ему занимать важный пост в государстве, где доблесть в битве определяла честность человека и его преданность короне. Только военный человек мог занять должность по управлению городом или целой провинцией, так как понимал, чего стоит сохранение порядка и достатка местных жителей, а тем более безопасности и процветания. Взвешенность решений помогала в управлении территорией; войны необходимы, иначе государство утратит свой статус, а вместе с ним и земли. Но всегда необходимо знать, при каких обстоятельствах, ради чего ты начинаешь бой, что можешь пообещать своим воинам и чужим предателям и, в конце концов, какую надежду даёшь подчинившимся тебе, какое благо, а не выгоду!

Такое совмещение гражданского поста и военного представляла собой должность друнгария, которую и занимал Лев, помощник стратига армии — фемы, охраняющей Салоники и прилегающие к городу земли. Город сей когда-то был сердцем эллинизма, греческой столицей, но с перенесением имперской столицы в Византий, переименованный в Константинополь, блеск Салоник затмился, слава померкла. Но жители всё ещё сохраняли столичную гордость и ревностно недолюбливали константинопольцев.

Земной суд друнгария Льва, его немилосердие не являлись жестокостью, но лишь приемлемой необходимостью.

Он ратовал за общее спокойствие и потому не стал стратигом, имея близкое знакомство с логофетом дромы Феоктистом, другом детства. Они не только дрались на тупых заготовках мечей, выкраденных из кузнечной мастерской, оттачивая своё искусство владения оружием, но и ловили оранжевых бабочек необыкновенно большим сачком, найденным у лачуги рыбака. Однажды сходили в торговый квартал до купеческих дочек.

Эта выходка обошлась им особенно дорого: Льва выпороли аки молокососа, а на будущего логофета обратили внимание и отправили в Константинополь, где вскорости оскопили и определили в хор мальчиков при соборе Святой Софии. Он был наследником громадного состояния, но его попечитель — копт, бывший правой рукой его покойного отца, — всю власть попытался захватить сам (воистину его зарезали неизвестные грабители), сумел представить наследника слабоумным, а случай в купеческом районе лишь сыграл на руку супостату. Однако Феоктист сумел восстановить своё доброе имя, когда окреп и повзрослел. Он не вернул себе прежнего состояния, но, обладая талантом заводить необходимые знакомства, пробил себе путь к вершине власти. Сначала — мальчик в певчем хоре, потом солист там же, потом надзиратель. Учитывая, что в это время он посещал среднюю школу, и не просто посещал, а делал явные успехи в науке, его вскорости сделали помощником главного библиотекаря. Сия должность не была смешна, а, наоборот, открывала перед амбициозным молодым человеком двери в мир больших мечтаний и большой политики. И он взялся за свою военную карьеру, столь необходимую для дальнейшего продвижения, однако она не имела успехов: ни из одной битвы он не вышел победителем. Но, тем не менее, и однозначно проигравшим его тоже нельзя было назвать, потому что он, как никто другой, умел преподнести себя при дворе. Феоктист сошёлся с императрицей, став при василевсе Феофиле главным министром — логофетом дромы, — ответственным за казну и дороги, а в действительности — за почту, шпионов, налоги и содержание всех институтов империи. Он был умён и понимал, как мало надо ума, чтобы управлять миром, а потому удалял всех конкурентов, оказывающих влияние на императора. Правда, не всегда удачно и надолго: на открытые убийства у него не хватало духу, ибо был он труслив и богобоязнен.

Он не забыл своей дружбы со Львом и всячески принимал участие в его судьбе и судьбе его детей, которых любил всем сердцем, не имея собственных.

Семи лет от роду Константина отдали в учение.

В младшей школе он быстро овладел греческой грамотой. Ему нравилось, что звуки, до того такие неуловимые и невидимые, обретают плоть и кровь на куске пергамента и начинают самостоятельную жизнь, неся знания людям, сообщая что-нибудь

важное каждому читающему. Эта передача мыслей сквозь время и пространство казалась ему поистине Божьим даром. Тогда он ещё не задумывался, что образцовое начертание греческих букв — дело рук язычников древности, учёных мужей, что поклонялись солнцу, луне, деревьям, животным, называя их богами и нарекая: Зевс, Гелиос, Арес, Деметра...

Ему нравилось писать, выполнять упражнения по каллиграфии, осваивая нормы унциального письма. Каждое движение должно было быть отточённым, выверенным, решительным, только тогда дельта и ипсилон, альфа и омега дополняли друг друга, сливаясь в поток речи, доставляющий зрительное наслаждение. Философ любовался каждой линией и каждым изгибом, когда они достигали совершенства.

Ему показывали образчики письма. Он их разглядывал, заучивая облик, влюблялся в них до сердцебиения, бредил ночами, а потом... и только потом Философ пристрастился к чтению.

Будучи отроком, он читал всё, что попадалось в библиотеке под руку: «Войну мышей и лягушек», басни Эзопа, «Илиаду», трагедии Эсхила и Софокла. Однажды он взялся и за Библию, которую, впрочем, и так неплохо знал, — ведь именно по ней учили грамоте.

Поскольку в ту эпоху всё было пропитано верой, то неудивительно, что Философ зачитывался Евангелиями и Посланиями. Он внимал Откровению, принимал его, а вместе с ним и мир, в котором жил. Окружающее обретало смысл и понятие, ведь оно грешно, а значит, просто, а вверху, на небе, — там благодать, непостижимая и таинственная. Там ангельские голоса и ангельская речь.

Философ просиживал в библиотеке долгие часы, удивляя родных и близких; он обрёл одухотворённость и возвышенность — свойства редкие для людей, но, тем не менее, иногда встречающиеся. В равной мере он постиг и честь, и благородство духа, и чистоту намерений, и покорность.

В десять лет Константину стало скучно в младшей школе, и родители, желая дать ему лучшее возможное образование в Салониках, чтоб с ним не разлучаться, отдали его в грамматическую, среднюю школу. Однако и там он впитывал знания словно губка. Всё, о чём рассказывал старший учитель, он уже прочитал, а помощники учителя — смышлёные ребята на год или два старше самого Философа — знали куда меньше, чем Константин, и оттого требовали только тупой зубрёжки. Философ же любил понимать, осознавать, докапываться до сути. К тринадцати годам он увлёкся теологией со всей бескорыстной заинтересованностью на грани фанатизма, которой порой так отличаются подростки. Но в его случае это не было обычной увлечённостью, ибо наука давалась ему с лёгкостью, неведомой прочим ученикам, и вскоре он мог поспорить с местными священнослужителями. И не просто мог, а Философ

и поспорил, выбрав тему иконопочитания, что вызвало определённый к нему интерес, и не миновать бы беды, если б не логофет.

А начиналось всё с вполне безобидных вещей: в одиннадцать лет Философ проявил интерес к поэзии...

2. (Лето — осень 838 г.)

An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur?

Разве ты не знаешь, сын мой, как мало надо ума, чтоб управлять миром?

Папа Юлий 2-й или Аксель Оксентиерна

Послеобеденное солнце уже не могло светить ярче и жарче: землю испещряли трещины, пожухлые травы опустили измятые листья, а с выложенной каменными плитами императорской дороги местные дворники за целый день не убрали ни одного конского яблока, и никто их в том не собирался винить и попрекать — ведь стояла самая жаркая пора года — каникулы, или «собачьи дни», когда солнце проходило созвездье Большого Пса и на рассветах ярче всего светил Сириус — собачья звезда.

По такому-то зною кисловспотевшие кони везли серую, запыленную от дальнего пути карету-каррус на скрежещущих колёсах и с вензелеобразным крестом на дверцах. С виду в ней не было ничего выдающегося: обычный возничий в побитой молью одежде и широкой дырчатой соломенной шляпе, скрывающей лицо от нещадного солнца; обычные взмыленные кони — обладатели не угадывающейся из-за комьев грязи масти: то ли каурые, то ли чалые — и не разберёшь, пока не искупаешь в чистых водах. В общем, это была самая обычная (непрочная, на плохих рессорах из тугих кожаных полос) крытая повозка из тонкой древесины. Назойливо поскрипывая, она ехала по Виа Игнации — древней Огненной дороге, построенной язычниками от Диррахия на берегу Адриатики до Византия и заново выложенной христианами от Константинополя до Салоник.

Необычным было другое — такое-то страшилище беспрекословно впустили в личные городские владения друнгария. Лишь увидев каррус издали, стражники засуетились, послали в дом гонца и скинули под стол игральные кости. Они могли бы расстроиться по поводу появления этой треклятой кареты, но, наоборот, их лица за долгие месяцы скучного ничегонеделания впервые озарили искренние улыбки, а в головах промелькнула мысль: «Мы не зря служим своему господину». Это было бы правдой, не знай они всех подробностей давней дружбы их господина с приезжим...

Карета остановилась, вздрогнув, посреди ухоженного двора, окружённого садом. Кони всхрапнули одними губами, обрамлёнными белой пеной, и,

опустив головы, задремали, не ожидая, когда их распрягут и поведут в прохладные стойла.

С крыльца сошёл Лев и, подперев руками бока, проговорил медленно, растягивая слова:

— И кто к нам пожаловал? Неужто Сам?!

— Да, я! — раздалось из-за зашторенного каретного окна. — Не поверишь, уж и пожалел, что поехал! Думал, в дороге отойду в царство небесное, с тобой не повидавшись. — Дверь отворилась, и оказалась толстая нога в бордовой сандалии, а затем и полная фигура в богатой, сшитой из синского шёлка тоге. — Лев! — крикнул логофет. — Ты полгода не был в столице! Что-то не так? Обидел кто? Почему я сам должен к тебе ехать?

— Тебе здесь нравится, я знаю. — И друнгарий, взяв за руку тяжело дышащего логофета, повёл его в дом. — Молодец, что приехал: Михаил как раз в гостях. На пару дней вырвался к нам, родителям. Всё по службе хлопочет.

— Это правильно. О родине надо заботиться, и она ответит тем же, — примирительным тоном заметил Феокист и дал себя увести со двора в приятную прохладу здания.

Они прошли в общую залу, где легли на обитые охлаждающим бархатом софы, и продолжили беседу.

— На последних играх, говорят, победил Сармат? — спросил Лев.

— Да, видел бы ты это: красиво всех обошёл, не поспоришь, — подтвердил Феокист. — Только он никакой не сармат... и не грек, а обычный армянин, каких пропасть по империи разгуливает... А слухи допускает вокруг себя бог знает какие, и, спрашивается, зачем они? Ну, выиграл три забега на ипподроме, так теперь что? В политику лезть? Нет, я тебе так скажу: нож под ребро его вскорости ожидает в какой-нибудь вшивой подворотне, а он обожает по ним гулять... Забудь и не переживай. Феофил, наш помазанник Божий, наидобрейшей души человек, не любит слишком популярной среди плебеев персон. Хм, думаешь, могут возникнуть серьёзные проблемы с ним? Вряд ли.

— Я думал, ты из-за него приехал. Слухи ходят...

— Слухи слухам — рознь... Не всему стоит верить. Делать мне больше нечего, как из-за простонародных выскочек к тебе приезжать! Я просто соскучился, друг мой. — И логофет расплылся в улыбке. Про него много плохого можно было сказать, но Лев чувствовал его интуитивно и понимал: друг не предаст, для Феокиста, пережившего и муки, и стыд, и унижения, и предательство и, главное, добившегося собственного признания при дворе несмотря ни на что, старая дружба — надёжный маяк и привет из прошлого, которое могло стать настоящим и будущим — та же служба, те же проблемы, те же счастье отцовства.

— Ты без сопровождения!

— Зачем мне охрана на землях, кои ты охраняешь? Я тебе доверяю!

— Феокист, не лести, ты не предупредил даже!

— Разбойников последних у вас ещё лет шесть назад повесили, с тех пор тишина. Как его звали? Никодим, кажется? Так кого мне бояться? Мне? Логофету... Все дороги империи мне подотчётны.

— Даже имя помнишь, да, Никодим, мясом торговал, было дело.

— Мне-то как забыть? Он же одного араба зарезал и двух итальяшек. Скверный случай. Да вот на нём я и вылез... Император оценил моё скорое искусство в поиске убийц.

В залу вошла Мария, окружённая славянскими служанками, на хитрых лицах коих читалось любопытство, хоть глаза и смотрели больше в пол, чем по сторонам. Логофет, зачастую не замечаемый женщинами, смутился и, привыкший отдавать распоряжения, оробел, но, впрочем, как человек деловой, быстро взял себя в руки. Мария была выше его мечтаний: она была прекрасна как никогда. Она желала произвести хорошее впечатление, и ей это удалось. Лишь служанки сообщили, что прибыл важный гость, как она отправилась прихорашиваться, и совершенно не зря и не бесполезно: даже будучи семижды роженицей, она смогла сохранить фигуру, притягивающую мужчин. Логофет радушествовал:

— Здравствуй, краса души моей. Да, виноват, давно не был в гостях... А вы сами? Всё по домам сидите, нет чтоб к нам в столицу на Пасху съездить... беспечальный народ! Ради такой красоты император приём устроит в неположенный день!

Мария приняла лесть как должное и жестом отпустила прислугу. Те, смущённо скособочившись, выскочили из комнаты и, громогласно захихикав в гулком коридоре, разбежались по дому.

— Ты им многое позволяешь! — сказал Лев.

— Они — женщины, — парировала по-гречески Мария, шёлкнув бронзовой застёжкой на платье, — будешь переучивать — станет хуже... Логофет, я вас давно не видела. Каким путём вы в наших краях?

— А путь один, — вздохнул логофет, — судьба Михаила. Его хотят отправить на Восток.

— Только не к этим язычникам! — скороговоркой выпалила Мария и присела на софу к мужу.

— Что ж поделать! — слишком весело произнёс логофет. — Феофил недавно вернулся из покорённой, скорее, разорённой, Запеты. Это родина калифа Мутасима. Наш Феофил жестоко обошёлся с местным населением — устроил резню. Калиф во гневе. Что-то наверняка замышляет, так что без столь верных и талантливых командиров на Востоке не обойтись...

Лев, хорошо знавший своеобразное чувство юмора Феокиста, потупил глаза:

— Он как раз дома. Отдыхает. Позвать?

— Ну, — лёжа на софе, деланно взмахнул левою рукою логофет, — если вас так заботит судьба сына... можно и без него.

— Ей, Белыни! — крикнула Мария живо. — Михаил зови к нам!

Михаил был высок ростом, широк в плечах. Его гордая стать совсем не соответствовала лицу, подетски открытому, доброму, даже мягкому, и только наметившаяся морщинка над переносицей меж густых бровей выдавала его сильную волю и умение командовать.

Феоктист для виду поспрашивал, как обстоят дела в Македонии, как служба, есть ли пожелания и жалобы. Михаил постарался рассказать всё как можно обстоятельнее, думая, что логофету и правда интересно, пока тот не поднял десницу, требуя тишины.

— Михаил, — проникновенно и торжественно, как умел только он один, проговорил Феоктист, — твои заслуги в усмирении славян не остались не замеченными при дворе. Я прибыл сообщить... грамота со мной... император Феофил своим высочайшим соизволением производит тебя в друнгарии с переводом во Фракию. Хотели на Восток куда-нибудь, но я отговорил, — и со значением посмотрел на Льва.

Тот вскочил, радостно обнял сына, затем подмигнул жене и самолично разлил всем вина по обсидиановым кубкам. Подав кубок логофету, преклонил голову.

— Да брось ты, — сказал Феоктист. — Здесь все свои.

Михаил стоял как оглушённый громом: друнгарий, а ведь ему недавно минуло двадцать три года... он слишком молод для этой чести.

— Ты это заслужил, — сказал логофет и, так и не отхлебнув, убрал кубок в сторону. — Завтра со мной поедешь в Константинополь, император лично произведёт тебя в друнгарии. А теперь ступай — обрадуй друзей.

Всё ещё не веря своему счастью, Михаил удалился.

Невыносимая жара спала, когда солнце уже висело над самым горизонтом. Его ослабевшие лучи окрашивали мир в нежные оттенки красного, порождая таинственные причуды сначала едва заметных полутеней, а потом и тяжёлых тёмных провалов.

Лев и Феоктист прогуливались по саду, чья влажность усиливала благоухание цветов.

Там же резвились Константин и дети слуг, громко смеясь и прячась по кустам, то и дело нападая друг на друга с деревянными мечами.

Философ, как обычно, вскоре отбил от остальных и присел под кустом, что-то разглядывая в кошениной траве.

— Константин! — позвал Лев и добавил, обращаясь к Феоктисту: — Он постоянно один. Постоянно за книгами. Постоянно бормочет под нос что-то невнятное... Я ему сокола дарил три года назад. К охоте приучить хотел. Думал, пусть к делу приучается с

малолетства, а подрастёт, друзьями обзаведётся, так вместе охотиться будут. Оно ж не просто развлечение, сам понимаешь. Друзьями в азарте становятся... Так он сокола упустил. В первый же день. Так расстроился... Сказал, что пытался поговорить с ним, представляешь? Птицу несчастную замучил. Эх!.. Вот и сел за книги потом. Я в его года и десятой части не прочёл...

Константин послушно подошёл к ним и поздоровался с логофетом. Тот с любопытством разглядывал мальчика и находил его необычным. Вкрадчивый умный взгляд, словно смотрел сквозь. Грязные, испачканные землёй пальцы сообщали о спокойствии их владельца: они не теребили тунику. Высокий лоб выдавал самостоятельность и самобытность мыслей. Логофет впервые увидел ребёнка, который уже был вполне взрослым. Какие игры со сверстниками?!

— Что ты там разглядывал? — спросил Лев.

— Жука, — просто ответил Константин, — он такой крупный... и забавный.

— Ты разговаривал с ним? — спросил Феоктист.

— Нет, — глянув мельком на отца, ответил мальчик, — я его слушал. А он только крыльями жужжит... бессмысленно. Зато красиво.

— Хм, знаешь что? — свёл брови логофет и продолжил: — А вышлю-ка я тебе подарок из столицы. Тебе должно понравиться: и красиво, и со смыслом. Ступай.

Когда мальчик отошёл от них, Лев немного настороженно поинтересовался:

— Что ты ему хочешь подарить?

— Книгу, — ответил Феоктист отрывисто. — Просто книгу, — и, задумавшись, замолк.

Уже через неделю Константин под грузом восторженных взглядов домочадцев стоял на коленях перед обитым красным бархатом ларцом с золотыми ободками. Щёлкнул замок, и Философ осторожно приподнял крышку. Внутри лежала книга. Не тот свиток, что запросто можно взять в городской библиотеке или попросить у отца, а настоящая книга, подлинное сокровище. Произведение искусства писца, выдельщика кожи, ювелира, художника. Фолиант, стоящий целое состояние. Такие держат в домах под замком и показывают разве что дорогим гостям. Читают ли? Разве что с благоговейным трепетом и крайней осторожностью, дабы ничем не испортить книжную красоту.

Михаил, только что вернувшийся из столицы и доставивший ларец с дорогим подарком, засмеялся:

— Даже я не знал, что тебе везу от логофета! Он сказал, что в ларце нечто значимее, чем моё назначение в друнгарии! — Он был под впечатлением от аудиенции у императора и от своей новой должности, что, впрочем, не мешало ему разделять чужие радости.

Константин же вынул книгу и с трудом положил её на стол: так она была тяжела! Переплёт из те-